

К ВОПРОСУ О ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНАХ В РОМАНЕ К. ВОЛЬФ «МЕДЕЯ»
MEANS OF PRECEDENT PHENOMENA EXPRESSION IN THE NOVEL "MEDEA" BY K. WOLF

Зубенко Я.В.

*Костанайский государственный педагогический институт,
Костанай, Казахстан*

Аннотация

Посредством изучения прецедентных феноменов можно получить информацию о ценностях универсальной когнитивной базы, которые могут меняться в зависимости от их оценки обществом в определенный исторический период, а также от совокупности знаний и представлений того или иного лингвокультурного сообщества.

Ключевые слова: прецедентные феномены, аллюзии, метатекстуальность, цитация, интертекстуальность

Keywords: precedent phenomena, allusions, metatextuality, citation, intertextuality

В романе К. Вольф «Медея» можно проследить парадигму отношений между первоисточниками и исходным текстом произведения в собственной интерпретации автора. Необходимо отметить, что использование аллюзивного имени колхидки и волшебницы Медеи в названии романа является важным фактором и вызывает у читателей ассоциации с первоисточниками. В данном произведении мы можем наблюдать скрытую дискуссию древних философов и писателей, которые несколько столетий назад предложили свое толкование истории о судьбе Медеи. В «Медее» отсутствует высшая оценочная инстанция, что позволяет говорить о равенстве всех доносящихся до нас голосов. Вследствие того, что история Медеи подается автором не как установленный факт с определенными выводами, а как незавершенное событие, читатель чувствует себя участником происходящего.

Средствами реализации метатекстуальности служит авторский комментарий к собственному тексту и цитаты, в данном случае эпитафии к главам, взятые из отдельных предшествующих текстов, ведущих повествование о Медее. В большинстве случаев это цитаты, взятые из трудов Сенеки и Еврипида, а также отдельные фрагменты, посредством которых наблюдается интертекстуальная связь между литературными произведениями прошлого и настоящего.

В романе автор использует цитацию как одну из основных форм интертекстов, делает фоновые ссылки на ранее высказанные идеи. Напри-

мер, эпиграфами к главам служат слова из трудов Сенеки («Медея»), Еврипида («Медея»), Платона («Пир»), Катона Цензория, Жирара Рене «Насилие и священное» и Ингеборга Бахмана («Франца») [5, с. 11, 38, 66, 88, 126, 106, 149, 170, 195]. Так, посредством выражения точки зрения с помощью чужих слов и включения фрагментов из текстов других авторов К. Вольф дает возможность читателю получить информацию о различных прецедентных феноменах. Она следует за развитием сюжета древнегреческого мифа, но, в отличие от содержания ранних произведений, не представляет Медею мрачной чародейкой, готовой на всяческие преступления.

Используя цитаты из различных произведений, автор дает общее представление о главной героине и об отношении к ней ее окружения. Маркированные лексически атрибутивные цитаты также являются основными средствами реализации метатекстуальности, поскольку содержат указание на автора и выделены композиционно (каждая цитата размещена на отдельной странице). Следует отметить, что ряд цитат взят из трагедий Еврипида и Сенеки, что указывает на интертекстуальные связи современного романа с первоисточниками. Например, слова Еврипида, взятые из трагедии «Медея», настраивают читателя на то, что отношение к Медее становится все более жестким: „*Kreon: Und sind Frauen auch nicht zum Guten geschickt, sind siedoch Meister innen des Bösen*“ [5, с. 66].

Общим внетекстовым комментарием для всего произведения служат слова Элизабет Ленк, которые задают тон всему произведению и говорят о том, что у человечества всегда есть возможность переосмыслить вехи истории, пройдя через «прозрачные перегородки времени». Особый интерес представляет собой авторское предисловие к роману, посредством которого К. Вольф затрагивает волнующие ее вопросы, а именно, современного восприятия образа Медеи. Гипертекстуальность выражается в виде ссылок на первоисточники, а также посредством скрытых реалий и аллюзивных фактов, имеющих место в романе К. Вольф «Медея». Однако основными видами интертекстуальности являются: собственно интертекстуальность, архитектстуальность и паратекстуальность.

В переработанной версии мифа Медея – представительница своего времени, обычная женщина и мать, ищущая счастья, понимания и заботы. Та, которая захотела изменить свою жизнь, не побоялась пойти против отца и оставить родные края. Та, которая всю свою жизнь боролась за свое доброе имя, обращается к современному читателю с целью объяснить свои поступки и развеять сложившиеся о ней негативные представления.

Следует отметить, что на фоне истории жизни Медеи затрагивается ряд вопросов, отражающих проблемы личности в обществе, например, попытка сохранить свои обычаи и традиции. В романе описываются также трудности человека, покинувшего родину и остающегося чужим в новом для него обществе, т.е. проблемы беженцев и их адаптации:

„ ...als ich hier ankam, als Flüchtling in König Kreons schimmern der Stadt Korinth, da dachte ich neid voll: Diese hier haben keine Geheimnisse. [...] Esgibte inen Ort auf der Welt, da kann der Mensch glücklich sein, und spät-erst ging mir auf, daß sie es dir sehr übel nehmen, wenn du ihnen ihr Glück bezweifelst“ [5, с. 15].

Коринфяне с самого начала не приняли Медею за ее независимость и нежелание следовать их традициям. Так, во время голода, вызванного засухой, она заставляет Ясона и жителей Коринфа есть конину, тем самым посягнув на их святыню. Народ выжил, но не простил ей этой слабости. Она резко отличалась от коринфских женщин, для всех «чужачка» и «беженка», делающая то, что им «с молодых ногтей запрещали». Дочь царя Эета, у себя на родине ходившая с высоко поднятой головой и пользовавшаяся большим уважением среди своего народа, следующим образом оценивает обстановку в городе и свое нынешнее положение в обществе: *„Diese Stadt ist aufeine Untat gegründet.“* Она пытается объяснить неприязнь со стороны коринфян следующим образом: *„... das sagen die Korinther, für die ist eine Frauwild, wenn sie auf ihrem Kopfbesteht“* [5, с. 17]. Коринфские жены напоминают Медею прирученных, тщательно выдрессированных домашних зверьков: *„sorgfältig gezähmte Haustiere“* [5, с. 17]. Через образ главной героини, автор показывает, что женщины с Востока (Колхиды) более эмансипированные, чем женщины с Запада (Коринфа).

Развенчивается миф о прекрасной жизни в чужой стране, который обычно складывается у людей, мечтающих покинуть Колхиду и полагающих, что жизнь на новом месте гораздо лучше, чем у них на родине. Отправившиеся в путешествие в далекую страну соотечественники Медеи трудно привыкают к обычаям и традициям чужой земли. Даже Ясону, повидавшему многие страны, нелегко приспособиться к царскому дому и его обитателям. Медея всю свою жизнь тоскует по Колхиде: *„...Reden steigert das Heimweh ins nicht zu Ertragende. Aber das wußte ich doch, daß ich niemals aufhören würde, mich nach Kolchis zu sehnen, ... , dieses nie nachlassende, immer nagende Weh läßt sich nicht vorauswissen, ...“* [5, с. 29].

Не менее значимым остается распределение ведущих ролей среди людей, стоящих у власти. Описывая положение простого народа и события

во время чумы, автор указывает на социальные проблемы. В романе затрагиваются также и юридические вопросы прав иностранки или как называют ее коринфяне – «беженки». В древности по афинским законам браки с иностранцами не имели юридической силы и могли быть легко расторгнуты. Таким образом, Медея, потерявшая всякие права у себя на родине, лишается какой-либо защиты и пристанища в Коринфе.

В романе присутствуют также аллюзивные реалии: шкура овна – Золотое руно, принадлежащее дяде Ясона Фриксу, которое он, спасаясь бегством, оставил на священном дубе войны в благодарность за гостеприимство; судно колхидского флота «Арго», на котором аргонавты отправляются на поиски Золотого руна, чтобы «водворить руно на его законное место» и тем самым «укрепить дружеские отношения между странами и установить между ними регулярного морского сообщения».

Об аллюзивности некоторых реалий свидетельствует тот факт, что они получили статус крылатых выражений: так выражение «Золотое руно» (*das Goldene Vließ*), согласно разным толковым словарям русского языка, означает не столько шкуру овцы или барана, сколько является символом сокровища; овца обозначает невинность, а золото представляет собой высшую духовность и славу, поход за Золотым руном – это поиск высшей силы духа с помощью чистоты души. В настоящее время слово «руно» считается устаревшим и отдельно от прилагательного «золотое» не используется. Аргонавты – мореплаватели, смелые путешественники, отправившиеся на поиск приключений. Первым воспел их поход Пиндар, затем древнегреческий поэт и грамматик Апполоний Родосский в своем эпосе «Аргонавтика».

Роман насыщен аллюзивными фактами, которые заставляют читателя сравнивать и переосмысливать содержание первоисточников. Согласно содержанию ранних версий произведения, Медея помогает Ясону овладеть сокровищем, которое имело для всех жителей Колхиды большое ритуальное и магическое значение. Она вынуждена бежать из родной страны не столько из-за любви к Ясону, сколько из-за упадка Колхиды, она чувствует «ползучую болезнь»: „*Ich bin mit Jason gegangen, weil ich in diesem verlorene, verdorbene Kolchis nicht bleiben konnte*“ [5, с. 96].

Здесь же имеет место еще один яркий аллюзивный сюжет о том, как Ясон добывает Золотое руно. Сюжет в романе переосмыслен писательницей, хотя герою также необходимо одолеть гигантского змея, считавшегося непобедимым. По описанию аргонавтов, змей, он же «дракон», был «о трех головах» и «пламя изрыгал».

Следующим аллюзивным фактом является история о том, что отец отправляет за беглянкой погоню и, чтобы его задержать, Медея выбрасывает в море разрубленное на куски тело младшего брата Апсирта: *„Deine Knochen, Bruder, habe ich ins Meer geworfen. ... Im Anblick der Schiffe aus Kolchis, die uns verfolgten, und im Angesicht unseres Vaters Aietes stand ich auf der «Argo» und warf dich stückweis ins Meer“* [5, с. 97].

К. Вольф интерпретирует по-своему аллюзивные мифологические факты. Она не обвиняет Медею в гибели ее брата, напротив, показывает боль и переживания главной героини романа, ее желание быть услышанной и понятой жителями ее новой родины. Медея не затрагивает эту тему открыто, хотя и понимает, что это одна из причин отторжения ее обществом. В гибели брата она обвиняет отца, который жертвует сыном и выбирает власть.

Царь Эет понимает, что может лишиться всего, он по описанию Ясона и Теламона человек «тщедушный» и «худой», трон для него велик, от его облика веет дряхлостью: *„Vielle ich thater anfangs nicht sand eres vor gehabt als das, was er uns sagte, und hat den Gedanken, dich zu töten oder töten zulassen, erst später gefaßt, als ihm klar wurde, sein trickreiches Vorgehen würde sein Problem nicht lösen“* [5, с. 93].

Парадокс романа заключается в том, что здесь демонстрируется насаждение политических мифов. Так, политики цивилизованного Коринфа используют смерть Апсирта в борьбе против неудобной для них Медеи и создают миф об этом убийстве. Борьба за власть ведется одинаково жестоко как в Колхиде, так и в Коринфе. Царь Креонт, несмотря на свое плохое самочувствие, не желает по древнему обычаю предавать власть в руки своей жены царицы Меропы, от которой он «получил корону лишь взаймы». Позже Креонт совершает жертвоприношение своей дочери, считая, что женщине будет не по силам управлять Коринфом: *„Nicht Eigennutz, nur die Sorge um Korinths Zukunft habe ihn bestimmt. Denn wer die Zeichen der Zeit zu lesen wisse, der sehe doch, daß sich unter Kämpfen und Greuel rundum Staaten bildeten, denen ein auf alte Weise frauengelenktes Korinth einfach nicht gewachsen wäre“* [5, с. 117].

На примере романа К. Вольф показывает, что заимствование общеизвестных фактов из отдельного мифа или определенных трагедий можно переработать и представить читателю совершенно с другой стороны. Ключевые эпизоды демонстрируют, что мифы создаются людьми, и как, в зависимости от потребностей общества, изменяется их содержание. Люди обращаются к мифам или сочиняют легенды, чтобы уйти от реальности и

окружающей их действительности возможно, хотя закодировать какую-либо информацию о тех или иных событиях.

Следует отметить, что без учета интертекстуальных ссылок понимание текста не только затруднительно, но и порой невозможно. Разбор включений интертекста в создаваемый текст дает основание рассматривать их как один из самых важных приемов в стилистической системе автора произведения и позволяет понять дополнительный смысл текста, на который сам автор может ссылаться как эксплицитно, так имплицитно. Прагматическая специфика заключается в том, что автор не всегда уверен в том, что реципиент в состоянии адекватно интерпретировать или идентифицировать полученную из текста информацию. Понимание смысла текста приходит к читателю благодаря его культурному, историческому и жизненному опыту.

Библиографический список

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994. – 615 с.
2. Вольф К. Медея. Голоса: роман / пер. с нем. М. Рудницкого. – М.: Иностранная литература, 2001. – 235 с.
3. Захаренко И.В. О целесообразности использования термина «прецедентное высказывание» // Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. ст. / отв. ред.: В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Диалог МГУ, 2000. – Вып. 12. – С. 46–53.
4. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В.В. Красных. – М.: ГНОЗИС, 2002. – 284 с.
5. Wolf Ch. Medea. Stimmen / Ch. Wolf. – München: Luchterhand, 2010. – 235 S.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕВЕРБАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО И КАЗАХСКОГО КОММУНИКАНТА COMPARATIVE ANALYSES OF NON-VERBAL COMMUNICATION ENGLISH AND RUSSIAN communicant

Асанова А.Б.

*Костанайский государственный педагогический институт,
Костанай, Казахстан*

Аннотация

В данной статье рассмотрен сравнительный анализ невербального общения английского и казахского коммуниканта. Приведен гендерный анализ поведения обеих лингвокультур.

Ключевые слова: *вербальный, этикет, коммуникация, язык, культура.*

Keywords: *verbal, etiquette, communication, language, culture.*